

«Я ношу в себе заряд историка и обязанности очевидца»

Образ и слово Александра Исаевича Солженицына не требуют особого представления. Писатель, который «вплотил в себе совесть нации», известен во всём мире. Однако мало кому известно, что Солженицыну присущ ещё и дар поэта, который проявился в книге «Дороженька».

Книгу открывает небольшое пояснение автора: «Здесь помещены мои произведения тюремно-лагерно-ссылных лет. Я складывал их в уме и нёс в памяти все лагерные годы, не доверяя бумаге. Они были моим дыханием и жизнью тогда. Помогли мне выстоять».

Поэма «Дороженька» – это автобиографическое повествование, в основу которого положены реальные события, вплоть до ареста Солженицына в 1945 году. Поэтом двигало желание понять судьбу России, многострадальную и суровую судьбу своего народа, изломы характера русского человека.

«Дороженька» открывает читателям панораму жизни советских людей перед самой войной. Особый интерес поэма представляет для краеведов, так как здесь нашли отражение впечатления автора во время путешествия его по Волге.

«Мальчики с Луны» – так называется первая глава. Это рассказ о юности, мечтах и надеждах, когда душа наполнена ожиданием счастья. «Что за чудо быть студентом в России! – кажется: все тобой любуются, все к тебе приветливы, открыты тебе все пути жизни!» Но это рассказ и о том, какой страшной и жестокой оказывается реальная жизнь. Невольно вспоминается выражение «как с Луны свалился», то есть жил, не видя и не замечая того, что было понятно и известно многим.

Два друга, «оба без отцов», студенты Ростовского университета Александр

Солженицын и Николай Виткевич после окончания 3-го курса отправляются в путешествие вниз по Волге. Их влечёт жажда странствий. В ожидании встречи с матушкой Волгой «ликует дух бродяжий». Лодку назвали «Волгарь-Скиталец». Название лодки выбрано, надо думать, не случайно. Писатель Скиталец (1869–1941) родился в селе Обшаровка Самарской губернии. Многие годы его жизни были связаны с Симбирском, с Волгой.

Начало путешествия друзей безоблачно, наполнено разнообразными впечатлениями, радостью встречи с великой рекой. Мир чудесен, исполнен красоты, которая по-особому воспринимается среди волжских просторов. Острый глаз молодости жадно вбирает открывающийся перед ней мир во всём его многообразии:

*Что-то дед смолёный ладит топором.
С ним малыши две удочки забросил.
Сестертимо брызжут серебром
И топор, и капли с наших вёсел...*

Как хорошо сказано: дед смолёный. Очень добрый эпитет, за которым слышится многое: и мудрость, и пережитое, и любовь к своему делу. И глагол «ладит» подчёркивает согласие труда и душевного мира, устойчивости добра.

*А и в русле не одна дорожка:
Не гребём – теченье выбивает
В мирную воложку,
В нераспуганную тишь...*

Какое ласковое это слово «воложка», дошедшее до нас из той жизни, когда слово русское, народное звучало

постоянно и ласкало слух, настраивало человека на мирный лад, на восприятие красоты окружающего мира.

Поэма даёт возможность увидеть глазами молодых путешественников Волгу-труженицу, ощутить её силу, мощь, увидеть людей, живущих на берегах великой реки.

Звон и гуд...

*И тракторы рычат у перевозов,
Кони ржут, скрипят грузовики,
Сизо-маляна идёт вода с навозом,
И толкутся волны поперёк реки.*

Невольно на память приходят другие строки, написанные известным симбирским поэтом Дмитрием Петровичем Ознобишиным: «Внизу, у ваших ног, нижняя часть, или подол города, и на нём пароходные пристани со своими дебаркадерами. А посреди всего этого – красавица Волга, по которой несутся парусные суда, плывут барки с дровами, тянутся длинные плоты с брёвнами, бегут с баржами пароходы, выбрасывая из чёрных труб в ясное лазурное небо свои дымные вымпелы...».

Автор помогает нам увидеть жизнь одной из главных рек России и людей, обеспечивающих безопасность движения по ней.

*Бакеницик, старик рыжебородый,
Объезжает бакени свои.
И уж на ночь, только солнце сгаснет,
Водный путь отмечен столбовой –
Там, где горный берег –
бакен красный,
И – зелёный там, где луговой.*

Восхищение и удивление испытывает лирический герой, наблюдая за богатырским трудом волжских грузчиков, любуясь их силой, ловкостью, способностью вершить сообразно великие дела.

Но путешествие – это не только встречи с людьми, но и общение друг с другом, возможность поспорить, поговорить о наболевшем, отдохнуть, любуясь природой и красотой Волги. Непогода, «ни дождь-безугомонь» заставляют юных странников пристать к берегу: «Новодевичье в лаптях тебя

встречает И в азиях рваных Сенгилей». Новодевичье – село бывшего Сенгилеевского уезда (ныне Самарской области), расположенное на правом берегу Волги – ниже г. Сенгилея. В 1928 году, в связи с упразднением Ульяновской губернии, Новодевичье отошло к Средневолжскому краю, позднее – к Куйбышевской, ныне Самарской области. Когда-то это место принадлежало Московскому Новодевичьему монастырю. В начале XX века это было очень богатое и красивое село: две церкви, более 1200 дворов, очень удобная пристань, большая базарная площадь.

Сенгилей Солженицын описывает очень подробно. Районный центр представлен множеством учреждений: Райпартпрос, Райком и Райкомол, Райуполминзаг и Райзаготконтора, Раймилиция и Райплан, РайНКВД и Райтюрьма, Райсуд и Райпрокуратура... Все эти слова напоминают нам о процессах, происшедших в русском языке после революции. Приметы времени предстают в отдельных зарисовках, деталях, умолчаниях: «Закрывающая полки голые, в Раймаге продают физическую карту... Африки».

Страшная бедность, отсутствие в магазинах самых необходимых товаров и – единственное утешение: «под забором рубят головы кошушкам» (кошушка – шкалик, или полбутылки).

Желание перекусить, согреться чаем приводит наших героев в «чайную Райпо», где «над столами русский чин трисловьями порхает»... Грузчик дядя Миша объясняет молодым людям, почему он иногда выпивает: «этим душу лечим». И, глядя на них, молодых, загорелых, сильных, проговаривается: «И мой б такие были...»

Студенты, увлечённые изучением истории и философии, слушая рассказ дяди Миши, знакомятся совсем с другой историей. Они узнают, почему дети дяди Миши «соптели. Под сосной карельской». Каждое слово исповеди, исполненное неподдельной боли и скорби, западает в души молодых ребят. На вопрос: «Но простите, но за что же вас?» – следует ответ:

*– Ты – с луны? В тридцатом-то?
Не знаешь, что да как?*

*Потому что был сочтён кулак,
Ну и... Ликвидировать. Как класс.*

Так открываются перед студентами суровые страницы истории, сложные судьбы людей, встречи с которыми

не проходят бесследно. Находясь в изгнании, Солженицын в одном из интервью 1979 года скажет: «Вот если б я сейчас жил на родине! – я, конечно, жил бы не так, как сейчас, я много бы ездил! Там – каждое место, каждый говор, каждая встреча – это толчок и помощь замыслу».

Автор задаёт вопрос: «Кто и когда узнает и напишет об этом обо всём?» И сам же отвечает: «Со светлым пониманием, не в гневе – и надобно теперь писать, теперь!»

Около трёх десятков семей было раскулачено в Сенгилее. Отобрали всё, что было нажито десятилетиями кропотливого труда, и под конвоем выслали в Сибирь семьи И.К. Усова, П.Д. Кормилина. У Анны Пономарёвой во время нэпа муж занимался торговлей. Незадолго до коллективизации он умер, оставив сиротами троих детей. Многие из видных в Сенгилее людей – учителя, врачи – ходатайствовали за несчастную женщину перед властями. Не помогло. У Анны Никитичны отобрали дом, имущество, а её с ребяташками сослали. Раскулачили и выслали из Сенгилея семьи Кургановых, Дунаевых, Березиных. По Сенгилеевскому району было всего выявлено 402 гражданина, незаконно подвергнутых репрессиям по политическим мотивам.

Ещё один урок истории получают молодые люди во время путешествия по Волге. Путь их продолжается там, «где на двести вёрст Самарскою Лукою Волгу отшвырнули Жигули».

Самарская Лука – это небольшая территория, прилегающая к крупной излучине Волги у Жигулёвских гор. Десятки миллионов лет назад вздыбилась здесь земля Жигулёвскими горами, единственными на обширной Русской равнине.

Завораживающая красота Жигулей умиротворяюще действует на человека, он замечает, как «жёлто тлеют иглы в медном сосняке», как «под травой краснеет земляника» и как «грибы столпились возле пней».

*Так мы плыли в гладком беззаботье,
И, наверно б, нам на ум не спало:
Что за люди там кишат в лохмотьях?
Что за люди бьют вручную скалы,
Катят тачки в гору по тропинкам?*

Ребята становятся свидетелями строительства «чуда Третьей Пятилетки – перемычки Волжского Узла». Беззаботное и безмятежное

настроение нарушено: жизнь страны с её реалиями врывается в жизнь путешественников, заставляя по-иному воспринимать картины непосильного труда, положение людей, живущих в неволе:

*Выстрел. – Новый. – Очередь. –
И ржавый*

*Звон от рельс на нашем берегу.
С фонарями в зарослях облава
Заплясала, заметалась на лугу.*

Обнаружив молодых ребят на берегу, конвой принимает их в темноте за арестантов-беглецов. Торопливо покидают место ночлега студенты-путешественники, «чтоб не рвать, что в сердце дорогого. Чтоб не думать. Чтобы позабыть».

История страны предстаёт совсем не такой, как на страницах книг, и ребята понимают, как сложна и сурова жизнь и как трудно разобраться в том, что происходит, что совершается в стране. Поэтому и задаёт друг автора непростой вопрос:

*А что, сейчас бы к Самому
Молодой, второй явись бы Ленин,
Он бы – не попал в тюрьму?..*

Это путешествие стало одним из первых путешествий по России, которых немало совершил впоследствии писатель. В одном из писем к студенческому другу Эмилю Мазину Солженицын писал в 1961 году: «А я помимо тех комфортабельных путешествий, которые каждый год мы совершаем с Наташей (пароходы, поезда, гостиницы, города, театры и т.д.) очень тянусь именно к путешествиям примитивным, с физической нагрузкой, с простотой жизни и случайностью ночлегов. Наташа разделить их со мной не может, да ей и вредно – а товарища я себе никак не найду. Из-за этого в прошлом году поехал на велосипеде один. Хоть проехал и немного – но, честное слово, помолодел на 10 лет – и снова почувствовал себя ну точно таким лёгким, как в студенческое время».

Путешествие Солженицына по Волге, несомненно, сыграло в его жизни важную роль. Встречи с людьми, впечатления, события, свидетелем которых он становился в пути, – всё это послужило иному отношению и пониманию тех исторических процессов, которые происходили в стране в 1930-е годы.

Нина Васильева